

В. И. Можегов

<https://orcid.org/0000-0002-5033-0206>**Идеология богостроительства как основание культа А. С. Пушкина в СССР**

В настоящей статье автор рассматривает роль Горького и идеологии богостроительства в становлении пушкинского культа в СССР, а также перипетии «борьбы за культуру», развернувшейся в первые годы советской власти между радикалами (ЛеФ, Маяковский, Троцкий), требующими отсечения всей дореволюционной культуры, и «богостроителями» (Луначарским, Горьким и Богдановым), считающими, что новая культура должна вырастать из недр старой. Поворотным пунктом в отношении к культуре в СССР стало 125-летие со дня рождения Пушкина (1924). Окончательное утверждение роли русской культуры состоится на Первом съезде советских писателей в 1934-м году. В том же году будет учрежден Всесоюзный пушкинский комитет под руководством Горького и взят курс на прославление Пушкина в качестве «основателя русской литературы». В 1937-м году, в год столетнего юбилея гибели поэта, Пушкин будет возведен на невиданную высоту и обретет в СССР непререкаемый статус культурного вождя. Согласно идеологии богостроительства человечество в своем развитии должно преодолеть свою атомизированную природу и обратиться в единое сверхчеловечество. В центр социалистических преобразований богостроители ставили создание новой культуры и нового человека, считая, что новая культура должна вызревать в недрах старой, а ответственность за ее создание ложиться на плечи культурных вождей. Автор утверждает, что именно метафизика богостроительства; своеобразной версии русского всеединства и ницшеанства) лежит в основании советского культур-строительства и сотворении культа «сверхчеловека» Ленина и Пушкина.

Ключевые слова: Пушкин, Горький, Луначарский, Троцкий, Ленин, богостроительство, эмпириомонизм, культура, культ.

V. I. Mozhegov

God-Building Ideology as the Basis of the Cult of A. S. Pushkin of in the USSR

The article examines the role of Gorky and the ideology of God-building in the formation of the cult of Pushkin in the USSR, as well as the struggles of the «battle for culture» that ensued between the Radicals (LeF, Mayakovsky, Trotsky) in the first years of the Soviet power, demanding the abolishment of all pre-revolutionary culture – and «God-builders» (Lunacharsky, Gorky, Bogdanov) who believe that the new culture must grow from the depths of the old. Two events, Lenin's passing, and Pushkin's anniversary of 1924 turned into a magnificent event by Lunacharsky became a turning point in relation to the culture in the USSR. The final affirmation of the role of pre-revolutionary Russian culture in the USSR took place at the First Congress of Soviet Writers (1934). In the same year, the National Pushkin Committee was established under the leadership of Gorky, and a course was taken to glorify Pushkin as the «grandfather of a new Russian literature». In 1937, the year of the 100th anniversary of the poet's death, Pushkin was elevated to unprecedented highs acquiring the indisputable status of a cultural leader and world genius. According to the God-building ideology the mankind in its development should overcome the atomized nature and turn into uniform super mankind. In the center of socialist transformations God-builders put creation of a new culture and a new person, considering that the new culture should grow ripe in old subsoil, and responsibility for its creation is on shoulders of cultural leaders. The author claims that metaphysics of the God-building became the basis of the Soviet culture development and making of the «overman» cult of Lenin and Pushkin.

Keywords: Pushkin, Gorky, Lunacharsky, Trotsky, Lenin, God-building, empiriomonism, culture, cult.

1

В конце 1918-го года в одном из первых номеров газеты «Искусство коммуны», захваченной футуристами, Маяковский публикует стихотворение под названием «Радоваться рано»:

Белогвардейца найдете – и к стенке.
А Рафаэля забыли? Забыли Растрелли вы?
Время пулям по стенкам музеев тенькать.
Стодюймовками глоток старье расстреливай!

...

Выстроили пушки по опушке,
глухи к белогвардейской ласке.
А почему не атакован Пушкин?
А прочие генералы классики?

Вскоре, однако, на страницах того же «Искусства коммуны» появляется статья наркома просвещения А. Луначарского, в которой выпад Маяковского строго отчитывается: «...мы не можем позволить, чтобы официальный орган нашего же Комис[сария]та изображал все художественное достояние от Адама до Маяковского кучей хлама, подлежащей разрушению» [2, с. 206]. История эта ясно показывает весь драматизм борьбы за культуру, развернувшийся в первые годы советской власти. Здесь борются две тенденции: одна требует радикального отсечения всей дореволюционной культуры, следовательно, и всего классического наследия – это позиция Л. Троцкого и

футуристов ЛеФ; другая строится на убеждении, что новая «пролетарская культура» должна вызревать в недрах старой – ее придерживаются, в частности, Луначарский, Горький и идеолог «Пролеткульта» А. Богданов. Позиция Ленина двойственна. С одной стороны, он смотрит на культуру как классический марксист, то есть как на вторичную «надстройку» над экономическим «базисом», носящую безусловно «классовый характер» и всецело подчиненную «делу революции». Такое отношение к культуре должно было склонять Ленина скорее к позиции Троцкого (то есть того же классического марксизма). Однако личные вкусы и взгляды вождя достаточно «консервативны». Классический интеллигент-разночинец, воспитанный традицией Белинского, Ленин просто делит культуру на «революционно-демократическую» и «реакционную», что оставляет большое поле для маневра, и чем, несомненно, пользуется Луначарский, продвигая собственную культурную политику.

В отличие от крайне нигилистической позиции Троцкого, отрицающего всякое значение русской культуры и проявляющего «особое рвение в стремлении доказать ничтожность русского вклада в цивилизацию» [5, с. 112], Луначарский и его друг Богданов оценивают потенциал русской культуры выше европейской и убеждены, что будущая русская культура ее в будущем превзойдет. Сложный и противоречивый идеологический характер борьбы усугубляется сложными личными отношениями. Ленин сильно ревнует к успехам А. Богданова, ссорится с М. Горьким, что же до существа их идей, то, с его точки зрения, они носят явно еретический характер. Одним словом, исход борьбы за новую культуру еще далеко не предрешен.

В 1920 г. Ленин обрушивается на Пролеткульт и изгоняет А. Богданова, в октябре 1921 отправляет в эмиграцию Горького. В течение 1922–1924 гг. все главные силы русской дореволюционной интеллигенции перекочевывают на «философских пароходах» на Запад. В этот момент кажется, что позиция Троцкого побеждает. В 1923 г. выходит его книга «Литература и революция», в которой создатель Красной армии предпринимает решительное наступление на всю русскую классическую традицию: «Революция пересекла время пополам... Время рассечено на живую и мертвую половины, и надо выбирать живую»... «Внеоктябрьская литература, от суворинских фельетонистов до тончайших лириков помещичьего суходола, отмирает вместе с классами, которым

служила». Из всего культурного наследия бывшей России Троцкий соглашается взять на борт корабля будущего лишь футуризм, который, хотя, по его мнению, и «представляет собою также бесспорное ответвление старой литературы», все же «активнее других течений входит в формирование нового искусства» [4].

Однако в начале следующего, 1924 г., умирает Ленин. А 6 июня того же года Луначарскому удается организовать масштабное празднование 125-летия со дня рождения Пушкина. На Тверском бульваре, перед памятником поэту проходит многотысячный митинг, на котором выступают ведущие советские писатели и поэты. Есенин в своем выступлении называет Пушкина *русской судьбой* и мечтает о его «могучем даре» («Пушкину»). И даже Маяковский заметно корректирует свою расстрельную позицию:

Сукин сын Дантес!
Великосветский шкода.
Мы б его спросили:
А ваши кто родители?
Чем вы занимались
до 17-го года? –
Только этого Дантеса бы и видели...

(«Юбилейное»)

На торжественном вечере в Большом театре сам Луначарский произносит двухчасовую речь. Здесь же с речью выступает и Вяч. Иванов, один из последних могикиан дореволюционной культуры, старый приятель Луначарского, в «башне» которого он в свое время частенько бывал, подолгу споря с Розановым, Мережковским и Бердяевым (в пику «богоискательству» которого и измыслил свое «богостроительство»).

С этого момента отношение к культуре в СССР начинает резко меняться. Традиционалисты (правые – как называет их Луначарский) выдвигают лозунг «Назад к Пушкину!». Утонченные имажинисты, которые прежде не видели нужды в Пушкине, теперь утверждают, что Пушкин «современней кочегаров футуризма». Вышедший из разгромленного «Пролеткульта» революционно-оголтелый РАПП выдвигает лозунг «учебы у классиков». И даже сам вождь «ЛеФа», неистовый Маяковский, еще пять лет назад грозивший поставить Пушкина к стенке, утверждает теперь, что знает «Онегина» наизусть. Все это с удовлетворением отмечает Луначарский: «Стало совершенно бесспорным, что Пушкин сейчас ослепительно воскресает» [3, с. 38]. Последнее означает, что позиция Троцкого терпит фатальное поражение, а госу-

дарственная линия относительно культуры обозначается ясно и недвусмысленно.

В 1925 г. село Тоболонец переименовывается в Пушкинские Горы. В 1930–1931 гг. Луначарский, уже в качестве директора Пушкинского дома, предпринимает издание первого советского собрания сочинений Пушкина в 6-и томах, призванного дать марксистское прочтение поэта. Все тома включают многочисленные статьи и комментарии, а в качестве предисловия издание предваряет фундаментальная статья самого Луначарского.

Какие же идеи стоят за позицией Луначарского и его друзей?

2

Если альфой и омегой мировоззрения Ленина всегда была революция (известная ленинская максима: этично все, что содействует делу революции, неэтично все, что ей мешает), то для А. Богданова, в 1905–1910 гг. фактически второго человека в партии большевиков, дело обстояло сложнее. Эмпириомонизм, учение, им созданное, – своего рода атеистическая версия русского всеединства, густо замешанная на ницшеанстве, – утверждает, что человечество, развиваясь ко все более организованной гармонии, на высших ее этажах должно, в конце концов, преодолеть свою ветхую разорванную, атомизированную природу и обратиться в единое *сверхчеловечество*, столь совершенное, что ему доступно станет преодоление законов природы. В центр социалистических преобразований Богданов ставит, таким образом, созидание нового человека и новой культуры. Причем, эта новая социалистическая культура, по его убеждению, должна вызревать в недрах старой.

На идеях эмпириомонизма фанатичный ученик Богданова, Луначарский, обосновывает собственное учение богостроительства. Культура народа есть религия. Народ верит в церковного Христа. Следовательно, чтобы новая культура быстро вызрела и взошла из недр старой, надо дать народу нового бога, дать ему новую церковь. Есть у богостроительства и своя метафизика. Новый бог – это сам народ (будущее *сверхчеловечество*), именно ему дано будет шагнуть «из царства необходимости в царство свободы», преодолеть ветхую и создать новую вселенную и, возможно, обрести бессмертие. Сам процесс богостроительства (то есть творения нового бога – *сверхчеловечества*) предполагал не столько революционное, сколько эволюционное развитие.

М. Горький с восторгом принял эти идеи. Его роман «Мать» (1906) и повесть «Исповедь» (1908) представляли собой насыщенный раствор богостроительских аллюзий. Воплощению этих идей была посвящена и деятельность рабочей школы на о. Капри (1909), которая, по мысли Богданова, Луначарского и Горького, должна была воспитать новую пролетарскую элиту, первый росток будущего *сверхчеловечества*.

Вскоре, однако, события принимают драматический оборот. В 1910 г. Ленин, которому идеи эмпириомонистов и богостроителей кажутся слишком далекими от марксизма («всякий боженка есть труположество – будь это самый чистенький, идеальный, не искомый, а строяемый боженка», пишет Ленин Горькому на Капри осенью 1913-го), закрывает школу на о. Капри и разгоняет секту богостроителей, заклеив эмпириомонизм в своей канонической работе «Материализм и эмпириокритицизм». Богданов и Луначарский оказываются вышвырнуты из партии.

3

Богданов никогда уже не вернется к Ленину. Луначарский вернется в партию перед самой революцией и займет в большевистском правительстве пост наркома просвещения. С Горьким, главным своим спонсором, Ленин возобновит отношения уже через год. Впрочем, отношения эти никогда не будут просты. Новый драматический оборот они примут уже после октябрьского переворота. Именно богостроительские убеждения – не созревший культурно народ не должен покушаться на революционное преобразование – не позволят Горькому принять Октябрь. Он еще долго будет воевать с большевиками на страницах своей газеты «Новая жизнь», нещадно критикуя их авантюризм и возлагая на них ответственность за разруху, голод и гибель интеллигенции.

В это же время А. Богданов, по тем же соображениям резким отказом ответивший на приглашение Луначарского к сотрудничеству, выступит в качестве культурного вождя Пролеткульта. Смысл этой всероссийской организации, созданной еще до октябрьского переворота, лежал полностью в русле эмпириомонистских идей: создание новой культуры для будущего *сверхчеловечества*. В 1919–1920 гг. Пролеткульт переживет невиданный расцвет (к нач. 1920-х гг. в стране будет действовать около 300 его организаций общей численностью до 400 тысяч человек), чем крайне встревожит Ленина. И в тот момент, когда

организация уже начнет выходить по линии Коминтерна на международный уровень, она будет подвергнута разгрому. Ленин обвинит Пролеткульт в отрыве от партийной линии, распространении «буржуазных теорий в философии» и, между прочим, «атаке на рафаэлей». Последнее в принципиально авангардном Пролеткульте было, конечно, неизбежно. Однако подобные выпады пролеткультовских поэтов («Во имя нашего Завтра – сожжем Рафаэля, Разрушим музеи, растопчем искусства цветы») всегда строго отслеживались и пресекались Богдановым и Луначарским. Дело было в другом. Ленин просто «не хотел создания рядом с партией конкурирующей рабочей организации» (Луначарский).

В это же самое время достигает точки кипения и конфликт Ленина с Горьким. В 1921 г. он отправляется в полу-изгнание на долгие 10 лет... Горький вернется в СССР лишь в 1929–1933 гг., преисполненный все теми же богостроительскими идеями... Именно ими будет вдохновлен и такой его неоднозначный проект, как «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина» (1934) – книга, которую Солженицын назовет *первой книгой в русской литературе, воспевающей рабский труд*. Разумеется, с точки зрения самого Горького это будет воспевание процесса творения (перевоспитания, преображения) из ветхого «человеческого материала» нового человека, коллективного *сверхчеловечества*. Той же верой проникнуто и творение культа *сверхчеловека* Ленина, к которому Горький и Луначарский будут иметь самое непосредственное отношение. Их следующим большим детищем станет сотворение культа Пушкина.

4

Сам Горький – писатель явно не пушкинского духа. Высокий пушкинский аристократизм, сильное личное начало ему очевидно чужды; не говоря уже о солнечной пушкинской безмятежности, которая должна быть невыносима нашему «буревестнику». В отличие от Луначарского (который Пушкина искренне любит и посвящает ему несколько обширных работ), Горький не оставил нам ни одной полноценной работы о Пушкине. Для слишком партийного Горького принципиально внепартийный Пушкин очевидно «не наш»; как «не наш» для него и Достоевский, реакционность которого он яростно заклеит в своей речи на первом съезде советских писателей. Но, как и в случае Достоевского, он не может игнорировать пушкинский гений. И в главном с Богдановым и Луначарским Горький соли-

дарен: в центре социалистического строительства должна стоять культура, а в центре культуры – «сословие вождей» (Богданов), которое будет вести новое человечество к будущему гармоническому сверхидеалу. Но даже *сословию вождей* (в данном случае – творческие лидеры революционно-демократического лагеря: декабристы, Герцен, Белинский) необходима «икона» – сверхчеловек, гегемон, устремленный к высшей гармонии. И если в начале русской литературы действительно стоит «гигант-Пушкин», то он подходит на эту роль идеально. И вместе с Луначарским Горький творит свой культ Пушкина.

Основания его закладываются уже в программе каприйской школы (1909), в рамках которой Горький читает рабочим курс русской литературы. Пушкин предстает здесь зарей русского возрождения («...такая же величина, как Леонардо для европейского искусства») и предстателем за народ перед великосветской «чернью». Из этого курса мы узнаем, что Пушкин чтит народ и о силе его «догадывался чутьем»; что он «стал изображать жизнь реально, просто и верно»; что, великосветская чернь, то есть «светское, столичное общество», «одобрела поэта», лишь пока тот «подражал французам», но отвернулась от него, когда он «встал на свои ноги и заговорил чистым русским, народным языком»; что, наконец, Пушкин – строгий судья и беспристрастный свидетель «русской пошлости ... невежества и рабства, жестокости и холопства пред силою власти» [1, с. 255].

Итак, Пушкин – заря русского возрождения. Пушкин – реалист, Пушкин – истинно народный поэт, Пушкин – строгий и нелицеприятный судья власти и общества. Перед нами, в общих чертах, именно тот миф о Пушкине (продолжающий прочтение Белинского и Герцена), который и был принят в СССР в качестве канона.

С первых же лет советской власти Горький помогает Луначарскому поднимать Пушкина на пьедестал. «Гигант Пушкин, величайшая гордость наша и самое полное выражение духовных сил России» (1917), «Пушкин и Толстой – нет ничего величественнее и дороже нам» (1919); «величайший в мире художник» (1925); «несравненный ни с кем человек совершенно изумительного таланта» (1929); «колоссальнейший поэт наш», «начало всех начал» (1934). Наконец, в 1934-м, по заданию Сталина, Горький подготавливает и проводит Первый съезд советских писателей, призванный увенчать сталинское культурное строительство. Речь Горького на съезде даст

направление развития советской культуры на добрые двадцать лет вперед (следующий съезд состоится лишь в 1954 г.). Будущая роль Пушкина здесь, кажется, еще не совсем осознана, однако место его уже недвусмысленно определено: Пушкин призван стать путеводной звездой для разноплеменных культур, как и сама русская культура для всех прочих культур народов СССР: «Если у нас в прошлом – гигант Пушкин, отсюда еще не значит, что армяне, грузины, татары, украинцы ... не способны дать величайших мастеров».

Уже совсем скоро русское зарубежье поднимет знамена с Пушкиным в качестве эмблемы будущего духовного возрождения России, и Советский Союз ревниво вступит в борьбу за «нашего Пушкина» (Луначарский). Апофеозом этой борьбы станет столетний юбилей со дня гибели поэта, который придется на 1937 г.

Навстречу юбилею, 27 августа 1934 г., Президиум ЦИК СССР примет принципиальное решение об учреждении Всесоюзного пушкинского комитета под председательством А. М. Горького. И в феврале 1937-го г. состоится триумфальное прославление Пушкина, «великого русского поэта, создателя русского литературного языка и родоначальника новой русской литературы». И хотя ни Богданов, ни Луначарский, ни Горький до этого триумфа не доживут, дело будет сделано. Пушкин обретет роль культурной иконы, *сверхчеловека*, подобного Ленину. И уже с Пушкиным во главе советская культура начнет свой подъем из большевистского погрома и фантастической мечты в тот, пусть и крайне двусмысленный, но

все же достаточно стройный культурный космос, который доживет до 90-х гг. XX в.

Библиографический список

1. Горький, М. О Пушкине [Текст] : Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / М. Горький ; АН СССР. Ин-т литературы. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. – [Вып.] 3.
2. Луначарский, Анатолий Васильевич. Собрание сочинений [Текст] : в 8 т. / А. В. Луначарский. – М. : Худож. лит., 1964 – Т. 2 : М. Горький. Советская литература : статьи, доклады, речи (1904–1933). – 702 с.
3. Луначарский, Анатолий Васильевич. Собрание сочинений [Текст] : в 8 т. / А. В. Луначарский. – М. : Худож. лит., 1963. – Т. 1 : Русская литература: статьи, доклады, речи (1903–1933). – 615 с.
4. Троцкий, Л. Д. Литература и революция [Текст] : печатается по изд. 1923 г. / Л. Д. Троцкий. – М. : Политиздат, 1991. – 400 с.
5. Hough J. How the Soviet Union is Governed. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1979.

Reference List

1. Gor'kij, M. O Pushkine = About Pushkin [Tekst] : Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii / M. Gor'kij ; AN SSSR. In-t literatury. – M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1937. – [Vyp.] 3.
2. Lunacharskij, Anatolij Vasil'evich. Sbranie sochinenij = Collection works [Tekst] : v 8 t. / A. V. Lunacharskij. – M. : Hudozh. lit., 1964 – T. 2 : M. Gor'kij. Sovetskaja literatura : stat'i, doklady, rechi (1904–1933). – 702 s.
3. Lunacharskij, Anatolij Vasil'evich. Sbranie sochinenij = Collection works [Tekst] : v 8 t. / A. V. Lunacharskij. – M. : Hudozh. lit., 1963. – T. 1 : Russkaja literatura: stat'i, doklady, rechi (1903–1933). – 615 s.
4. Trockij, L. D. Literatura i revoljucija = Literature and revolution [Tekst] : pechataetsja po izd. 1923 g. / L. D. Trockij. – M. : Politizdat, 1991. – 400 s.
5. Hough J. How the Soviet Union is Governed. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1979.